

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»
«Прими себе свиток нов велик...»: к вопросу о дискуссии вокруг эпитафии
Н. В. Гоголю (по архивным материалам)

Научный руководитель – Сартаков Егор Владимирович

Кулагина Елена Дмитриевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
журналистики, Кафедра периодической печати, Москва, Россия

E-mail: lenula2002@yandex.ru

Опубликованная в восьмой книжке журнала «Москвитянин» (цензурное разрешение от 19 апреля) статья М. П. Погодина «Поминовение по Гоголе», где приводилось подробное описание заупокойной обедни, панихиды и трапезы, организованной в Даниловом монастыре в память умершего писателя, подводила итог продолжительной дискуссии вокруг надписи на памятнике автору «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Ревизора» и «Мертвых душ»: «Начали говорить о надгробном памятнике, о надписях. ... Одна получила полное одобрение, выражая верно жизнь покойника: Из пророка Иеремии, гл. 8, ст. 20: “Горьким моим словом посмеюсь”» [5].

Упоминание о возникших между современниками Н. В. Гоголя разногласиях по этому вопросу содержится в письме дипломата Д. Н. Свербеева своей жене от 29 февраля 1852 года, где он в недоброжелательном по отношению к С. Т. Аксакову, А. С. Хомякову и их московским «приятелям» тоне сообщает следующее: «... дня четыре тому (т. е. через один-два дня после похорон Гоголя. – Е. К.) получил я вечером при Чижове подписку на памятник Гоголю с надписью из псалма, изобретенного Хомяковым: “Возлюбих любящих тя, возненавидех ненавидящих тя”. <...> Я отвечал, что готов участвовать в памятнике Гоголя как писателя, а не как христианина, тем более, что такая надпись придавала бы ему религиозное направление, ревностное не по разуму. Говорят, теперь они соглашаются изменить надпись...» [6]

Незадолго до упомянутой выше панихиды и трапезы в Даниловом монастыре были предложены еще два возможных варианта надписи на памятнике, один из которых, впоследствии получивший «полное одобрение», по-видимому, принадлежал С. П. Шевыреву. «Две надписи встретили всеобщее сочувствие, – писал он в своих воспоминаниях. – Одна относится к нему (т. е. к Гоголю. – Е. К.) как к писателю и взята из пророка Иеремии: “Горьким словом моим посмеюсь”. Другая относится к любимым мыслям последнего десятилетия его жизни. В ней выражается сосредоточие всех его мыслей: “Ей, гряди, Господи Иисусе!”» [2]

По прошествии некоторого времени один из наиболее известных и цитируемых сегодня стихов из книги пророка Иеремии, отразивший «союз художественной правды с пророческим служением, в котором сам Гоголь видел смысл своего творчества» [4], действительно был выгравирован на надгробной плите, а цитата из Апокалипсиса (22:20) – на могильном камне Гоголя («Голгофе»), поскольку выражала «самое главное в его жизни и творчестве: стремление к стяжанию Духа Святого и приготовление души к встрече с Господом» [1].

Тем не менее принятое в сороковой день по кончине автора «Ревизора» и «Мертвых душ» решение не положило конец спорам, длившимся почти два месяца. При изучении материалов архива Погодина нами была обнаружена сложенная вдвое записка, автор которой не только исправил в соответствии с оригинальным текстом (20:8) допущенную автором «Поминовения...» ошибку в описании источника («Поминовение по Гоголе. Московит. №8. Стр. 140. Из Пророка Иеремии. Гл. 8. Ст. 20: “Горьким моим словом посмеюсь”. В указанном месте из Пророка Иеремии: “Пройде жатва, мимоиде лето, и мы несмы

спасени”») [3], но и предложил свой собственный вариант, причем одновременно на церковнославянском и латинском языках: «Не приличнее ли будет следующее полустипение: “Приими себе свиток нов велик, и напиши в нем писалом человечесим”. Пророка Исаии, гл. 8, ст. I. “Ut sumptio mauno volumina, scriberem in ea humano stilo. . .”» [3].

К сожалению, автор записки не указан, очевидно, нужны дополнительные разыскания для атрибуции этого текста. Кроме того, о реакции Погодина на полученное им сообщение судить невозможно, но, по-видимому, оно не возымело надлежащего действия и осталось без рассмотрения, поскольку редакция «Москвитянина» даже не стала уведомлять своих читателей об обнаруженной в тексте неточности и не внесла соответствующее исправление.

Таким образом, благодаря данному материалу становится возможным существенно расширить представление о развернувшейся весной 1852 года дискуссии по поводу надписи на памятнике Гоголю и составить более полное представление о тех вариантах для нее, которые были предложены современниками писателя.

Источники и литература

- 1) Воропаев В. А. «Ей, гряди, Господи Иисусе»: Тайна смерти Н. В. Гоголя в свете его церковного мировоззрения // Русско-Византийский вестник. 2019. №1 (2). С. 244-288.
- 2) Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. М., 2012. Т. 2.
- 3) НИОР РГБ. Ф. 231/3. К. 3. Ед. хр. 31.
- 4) Паламарчук П. Г. «Ключ» к Гоголю // Паламарчук П. Г. Козацкие могилы: Повести, сказания, художественные исследования. М., 1990. С. 336-422.
- 5) Погодин М. П. Поминовение по Гоголе // Москвитянин. 1852. Ч. 2. №8. С. 139-140.
- 6) Свербеев Д. Н. Письмо Свербеевой Е. А., 29 февраля // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 748. (Лит. наследство; Т. 58).